

Он сидел рядом, небрежно положив руку на спинку дивана, так что Гао Юйшэн чувствовал себя почти в его объятиях. Перед подобным искушением трудно было устоять, поэтому юноша послушно пересел поближе и протянул ему бокал красного вина.

Чжай Чэнь взял бокал, повертел его в руках и осмотрелся:

— Давать мне такое дорогое вино — чистая трата продукта, я в нем все равно ничего не смыслю. Мне бы эргоутоу, под вареные соевые бобы да шашлычки — в самый раз.

Гао Юйшэн слегка покачал бокал, позволяя аромату раскрыться:

— Ты заслуживаешь самого лучшего.

Чэнь-гэ, только-только настроившийся на душевный разговор, вмиг забыл все заготовленные слова. Он убрал руку со спинки дивана и слегка потянул его за ухо:

— Послушай, и откуда ты только набрался этих странных словечек в последнее время?

— Разве они странные? Я просто хвалю тебя, — невинно посмотрел на него Гао Юйшэн.

— И за что меня хвалить? Я тебе что, матушка-Хуанхэ или земля Китая?

— Ты — Синсин.

— ...Ладно, уговорил.

Они пили красное вино, закусывая шашлычками, и лениво переговаривались о том о сем.

Чжай Чэнь размышлял об этом весь день и понял, что на самом деле знает о Гао Юйшэне слишком мало. Некоторых вопросов он сознательно избегал, просто не находя в себе сил расспрашивать: например, о том, как умерла тётушка Е, или о запутанных родственных связях в семье Гао. Теперь же, когда они оказались втянуты в сложное дело, он даже не знал, с чего начать, если бы захотел заступиться за Гао Юйшэна.

— На днях твоя сестра упомянула старшего брата. У тебя действительно есть старший брат? — спросил Чжай Чэнь. В детстве, когда они жили в горах, Сяо Тяньцы изредка рассказывал о своей семье, но в основном говорил о маме и папе, почти не упоминая братьев или сестер. Возможно, он и рассказывал о них раньше, но Чжай Чэнь этого совершенно не помнил.

— Да, он был моим старшим братом, близнецом Гао Вэньчжэн. Он погиб, когда ему было тринадцать, — Гао Юйшэн отпил немного вина и расслабленно откинулся на спинку дивана. — Его звали Гао Исяо.

— Сяо, чжэн, шэн, ди... Все эти имена ваш дедушка выбирал по одному принципу, верно? — Чжай Чэнь помнил, как Гао Юйшэн рассказывал, что имена им давал дед.

— Угу, — Гао Юйшэн, казалось, был рад поговорить об этом с Чжай Чэнем. Он незаметно придвинулся чуть ближе и повернул к нему голову: — Когда я был совсем маленьким, мы жили отдельно с мамой и папой. Но когда мне исполнилось пять, мы внезапно переехали, и только тогда я узнал, что у меня есть старшие брат и сестра.

Они с Гао Исяо прожили вместе совсем недолго. В памяти осталось лишь то, что брат был очень мягким человеком, по характеру похожим на дедушку, и совсем не таким капризным, как Гао Вэньчжэн. Когда они только съехались, сестра постоянно закатывала истерики и

плакала, наотрез отказываясь принимать единокровного брата. Гао Исяо же никогда не устраивал сцен, отдавал ему свои старые игрушки и всегда вежливо относился к Е Жун.

— Позже они вдвоем попали в автокатастрофу. Гао Исяо погиб, а Гао Вэньчжэн лишилась ноги.

Чжай Чэнь невпопад брякнул:

— Да ладно, я же видел, что у нее две ноги. Или раньше три было?

Гао Юйшэн невольно улыбнулся и покачал головой:

— На левой ноге у нее протез.

— А-а, теперь понятно, — кивнул Чжай Чэнь. — То-то она постоянно с тростью ходит.

Несчастье с братом и сестрой случилось как раз в те два года, когда Гао Юйшэна похитили. Что именно произошло, он, будучи ребенком, не знал. Помнил лишь, что когда его спасли из гор и он вернулся в семью Гао, старшего брата уже не было в живых. У Гао Вэньчжэн одна штанина пустовала; она цеплялась за перила, проходя реабилитацию дома, и каждый день исходила криком в истерике. Это было по-настоящему жуткое зрелище.

— Тётушка Е... не вернулась с тобой в семью Гао? — Чжай Чэнь уловил главное. Он всегда думал, что после того как Е Жун отдала его в приют, она вместе с Тяньцы вернулась в дом Гао. Но сейчас все звучало так, будто Тяньцы вернулся один.

— Нет, — Гао Юйшэн медленно осушил свой бокал, и улыбка сошла с его лица.

— Она... — у Чжай Чэня язык не поворачивался расспрашивать дальше.

— Я не помню, как она умерла, — Гао Юйшэн глубоко вздохнул, понимая, о чем хочет спросить Чжай Чэнь. — В моих воспоминаниях на этом месте провал. Я не помню ничего ни до, ни после, даже тот жилой квартал для сотрудников, где мы с тобой жили.

Сердце Чжай Чэня болезненно сжалось, пальцы дрогнули, едва не выронив бокал. Совсем маленький ребенок — и внезапный провал в памяти.

Ранее Юйшэн упоминал, что в семье Гао его считали аутистом. И это не было ошибкой — он действительно замкнулся в себе. Нетрудно представить, что тогда происходило.

Маленький мальчик целыми днями молчал, а если его о чем-то спрашивали, раз за разом повторял одни и те же фразы:

— Где братик Синсин? Я хочу его найти.

— Где моя мама?

А члены семьи Гао даже не пожелали рассказать ему о существовании бабушки, не говоря уже о том, чтобы объяснить, как умерла его мать. У маленького ребенка еще нет четкого представления о времени и пространстве, и провалы в памяти обрекли его на долгие годы растерянности и кошмаров, сотканных из лжи. Ему тогда было всего восемь лет — как же ему, должно быть, было страшно!

Он без устали искал правду, что по сути означало попытку вернуть утраченное прошлое. Так он вышел на приют Гао Юань, отыскал своего бабушку Е Фэнцю... вот только когда он его

нашел, того уже не было в живых.

— Я запомнил все карты, какие только смог найти, но так и не смог вспомнить дорогу домой, — то ли из-за выпитого вина, то ли от нахлынувших чувств голос Гао Юйшэна зазвучал немного гнусаво, отчего он казался совсем беззащитным.

Осколки воспоминаний лишали реальный мир осязаемости. Ему постоянно казалось, будто он блуждает в тумане, а дом семьи Гао виделся скорее зловещим замком с привидениями, куда он забрел по ошибке, перепутав дорогу.

— Тяньцы... — Чжай Чэнь протянул руку и ободряюще сжал его плечо.

Гао Юйшэн поднял глаза и тихонько чокнулся с ним своим бокалом.

Чжай Чэнь сделал большой глоток, причмокнул, но так и не распробовал вкуса:

— И дедушка не оставил никакого послания?

— Не знаю, — покачал головой Гао Юйшэн. Единственным связующим звеном с Е Фэнцю оставался Лу Чанхуа, но тот сейчас находился в следственном изоляторе.

— А раньше ты с Лу Чанхуа не связывался? — спросил Чжай Чэнь. Зная характер Гао Юйшэна, стоило ему наткнуться на зацепку, он должен был раскопать все до конца. Однако во время благотворительного мероприятия они явно разговаривали впервые, притом держались крайне сдержанно, не выказывая ни малейшего желания сблизиться. Это озадачивало Чжай Чэня.

Гао Юйшэн перестал покачивать бокал.

— Ты хочешь спросить, сколько я знал о делах приюта до того, как все случилось? Так?

— Что?

— Ты думаешь, это моих рук дело? — Гао Юйшэн посмотрел ему прямо в глаза, и теплая улыбка в его взгляде растаяла, словно утренняя роса на лепестках цветов.

— Вовсе нет! — поспешил оправдаться Чжай Чэнь. — Просто это дело действительно слишком тесно с тобой связано, и мне кажется...

— Тебе кажется, будто я воспользовался удобным случаем, чтобы подставить Гао Муди? — закончил за него Гао Юйшэн, и его губы слегка дрогнули. Еще когда полицейские на глазах у всех директоров уводили его новоявленного братца, он понимал, что окружающие заподозрят его. Но он и подумать не мог, что среди этих «окружающих» окажется Чжай Чэнь. Сделав глубокий вдох, он резко поднялся с дивана.

Чжай Чэнь рванулся вперед, чтобы удержать его, совсем позабыв о бокале в руке. Темно-красное вино выплеснулось наружу, потекло по шее и хлынуло прямо за ворот домашней одежды. В том месте, где они соприкоснулись, ткань мгновенно промокла насквозь.

— Да не это я имел в виду! Я же знаю, что ты не способен на такое. Я просто волнуюсь: почему все ниточки ведут к тебе? Это слишком странно!

— Значит, ты предложил выпить, чтобы спить меня и вывести правду? — Гао Юйшэн отбросил свой пустой бокал прямо на диван, и остатки вина тут же вьелись в безупречно чистую обивку. Перехватив Чжай Чэня за запястье руки, державшей бокал, он ледяным тоном

спросил:

Другая рука Чжай Чэня все еще оставалась за спиной Гао Юйшэна, и со стороны могло показаться, будто он насильно удерживает его на диване. Но сейчас Чжай Чэнь слишком торопился успокоить своего «ребенка» и не обратил на это внимания:

— Да нет же, постой...

Он никак не мог объяснить, что предложение выпить сорвалось у него с языка совершенно случайно.

— Да, я с самого начала знал, что Е Фэнцю был бывшим директором приюта Гао Юань! И в приют я повез тебя намеренно! Я пошел на собрание по планированию только ради того, чтобы попортить им кровь. Ты же сам видел, как я обошелся с Гао Муди и Гао Вэньчжэн. Я даже задействовал связи, чтобы встретиться с Лу Чанхуа, как только через пару дней закончится следствие!

Гао Юйшэн вел себя как обиженный ребенок: нарочно сгущал краски, выставляя свои поступки «злодеяниями», и отчаянно хорохорился. При этом его пальцы сжимали запястье Чжай Чэня все сильнее, словно он до смерти боялся, что тот уйдет.

Чжай Чэня тоже начала разбирать злость:

— Я с тобой нормально разговариваю! Какого черта ты тут капризы устраиваешь?

— Я говорю чистую правду!

— Вранье!

— ...

Чжай Чэнь вздохнул:

— Ты ведь взял меня с собой в Гао Юань только потому, что сам боялся туда ехать, верно?

Потерянное, полное растерянности детство и прошлое, в котором у него были родные люди, но признать их ему не позволялось — все это было похоронено в стенах приюта. И только держась за Чжай Чэня, он мог спастись от удушающего чувства одиночества и ненужности.

<http://bllate.org/book/18293/1757274>